

ТУМАН

Рассказ

Лифт остановился на первом этаже. Зоя вышла в холл, задержалась у зеркала, поправляя шарф на шее. На прошлой неделе их перевели на «удаленку», и директор фирмы составил график с указанием, когда кто из сотрудников будет приезжать к нему для отчета и обсуждения рабочих вопросов. Дни Зои были вторник и пятница, значит, ей нужно будет показаться тут только в конце недели.

— Уходите уже? — спросил у нее охранник, что сидел за стойкой у крутящейся стеклянной входной двери. — Туманище какой! Домов на той стороне бульвара не видно!

Зоя рассеянно глянула в высокие, в пол, окна. Виден был только тротуар у их офиса, все остальное заволакивала белесая дымка. Встреча с начальником заняла меньше времени, чем она думала. Он спешил — обещал семье сегодня вернуться на дачу — и сейчас, в половине одиннадцатого, Зоя уже была свободна.

Погруженная в свои мысли, она не сразу поняла, что охранник продолжает с ней говорить.

— Что, простите?

— Говорю, распыляют что-то в воздухе против этого вируса. Чушь, как думаете?

— Наверное, — отозвалась Зоя, кивнула на прощание и пошла к двери.

На улице она сразу завернула за угол, не хотела, чтобы охранник пялился на нее через окно. Здесь молодая женщина немного постояла, вдыхая прохладный воздух. Сейчас быстро домой, по пути зайти в супермаркет, не забыть, что обещала сыновьям мармеладных мишек принести, если они будут слушаться бабушку, а матери — что купит стиральный порошок. Зоя мысленно прокручивала список покупок. Доставку не заказывать, иначе отец опять возмущаться станет. Он уверен: магазин так подсовывает им просроченные и залежавшиеся на складе товары.

Машины по Zubовскому бульвару двигались непривычно медленно, будто кто-то сбавил скорость этого вечно спешащего куда-то города. Прохожие выныривали из тумана, чтобы снова тут же скрыться в его серо-ватой пене. Сейчас Зоя к ним присоединится. За шесть минут — проверено многократно — дойдет до входа в метро, потом привычная толча Кольцевой линии, пересадка, влажный воздух вагона, супермаркет, переделанный из гастронома, который она помнила с детства.

Зоя постояла еще пару минут. Все, пора, сказала она себе. Но пошла по бульвару не к «Парку культуры», а в противоположную сторону. Она так иногда делала, когда бывший муж забирал близнецов после садика к себе на пару часов. Тогда Зоя вместе с несколькими коллегами доходила до «Спортивной» или до «Лужников» и отту-

Ольга Станиславовна Мишуровская родилась в 1985 году в Мурманске. Кандидат культурологии. Публиковалась в журналах «Девушка с веслом», «Гостиная», «Север». Живет в Санкт-Петербурге.

да уже ехала домой. До ее декрета они в теплые дни покупали кофе с собой, сэндвичи и устраивались на скамейке в сквере Девичьего поля, а в плохую погоду заходили на Усачевский рынок, попробовать устриц или домашний козий сыр. Коллеги продолжали это делать, но вот Зоя присоединиться к ним уже не могла.

Сейчас она решила не идти по Большой Пироговской улице и свернула в Дашков переулок, а потом на Россолимо. Здесь прохожие попадались еще реже. Даже у медицинской клиники не толпились, как бывало обычно, выбежавшие покурить молодые доктора. Город затих, накрытый плотным «одеялом» тумана. Зое пришло на ум, что в фантастических фильмах за таким маревом обязательно следует ужасное бедствие. Эта мысль ее не напугала. Временами ей казалось — хуже, чем сейчас, все равно быть не может. А ведь два года назад она была уверена, что самое тяжелое — сам развод. Тогда Зоя была полна оптимизма и решимости начать все заново. Расставание с мужем — необходимый и давно назревающий шаг, который рождение близнецов-сыновей только отсрочило. Возвращение к родителям в Новые Черемушки — неприятная, но временная мера. Зоя собиралась пожить с ними месяца три-четыре, добавить еще немного к той сумме, что была отложена на первый взнос по ипотеке, и вскоре перебраться с мальчиками в собственное жилье. План казался вполне выполнимым, предугадать пандемию Зоя никак не могла.

Недели самоизоляции весны двадцатого года запомнились сплошным кошмаром. Она оказалась запертой в квартире с двумя гиперактивными трехлетками и своими родителями. Между супругами пролегла непреодолимая граница. Отец Зои, Сергей Павлович, не верил в новый вирус и считал панику вокруг него мировым заговором, а его жена, Светлана Леонидовна, напротив, очень боялась заболеть, по два раза в день протирала поверхности в квартире антисептическим средством и настаивала, чтобы Зоя мыла продукты, что приносит из магазина. Молодая женщина пыталась лавировать между ними: то поддакивала отцу, то шла на уступки матери, но ссоры все равно случались регулярно.

— Совсем ты рехнулась с этим барановирусом! — кричал Сергей Павлович жене. — В «наморднике» скоро будешь и дома ходить!

— И буду, если ты, старый дурак, продолжишь плевать на нашу безопасность, — вторила ему Светлана Леонидовна.

Зоя во время таких стычек закрывалась с сыновьями в их комнате — ее бывшей детской — и пыталась работать удаленно, под крики, плач или смех детей. Возвращения в офис она ждала как ничего другого в жизни. Тогда верилось: все закончилось, жизнь возвращается в привычное русло.

Иллюзии быстро развеялись. Число заболевших хоть и снизилось, но оставалось значительным. Светлана Леонидовна каждое утро за завтраком оглашала цифры за прошедшие сутки, а муж неизменно отвечал:

— А сколько всего людей умерло? От инфаркта или в аварии? Не пишут там у тебя? То-то и оно! Будто других проблем нет.

С тех пор на каждую следующую волну пандемии Светлана Леонидовна реагировала усилением мер защиты дома и близких, а ее муж демонстративно игнорировал их. И с зимы споры из-за самого вируса сменили столкновения по поводу вакцинации. Мать Зои сделала прививку одной из первых, отец до сих пор отказывался вводить себе что-то. Каждый семейный ужин превращался в поле информационного сражения, где одна сторона зачитывала другой выдержки из постов специалистов и научных статей, подкрепляя их рассказами об опыте своих знакомых.

— Это все американцы устроили! Чипировать нас хотят и поработить! — уверял Сергей Павлович.

— У Люси сестра от вируса умерла, — гнула свою линию Светлана Леонидовна, — а у Ирины Васильевны муж так тяжело болел, что в реанимацию попал!

Зоя сделала прививку, никому не сказав. Свое плохое самочувствие в тот день объяснила «критическими днями». Отец при этих словах смущенно отвел глаза, а Светлана Леонидовна потом отчитала дочь, что та вслух говорит о таких вещах. Когда кто-то из родителей обращался к ней за поддержкой своей точки зрения, Зоя просто молчала. Это обижало и мать, и отца, но у молодой женщины уже не осталось сил пытаться объяснить им — ее куда больше волнует экономический кризис и то, что от ее накоплений вот-вот ничего не останется. Зоя настолько устала от постоянной напряженности дома, что подумывала вернуться к бывшему мужу, но оказалось, он уже успел найти ей замену.

Когда в октябре снова заговорили о локдауне в столице, Зоя пришла в ужас. Ни одна болезнь не пугала ее так, как перспектива опять оказаться запертой в квартире. Она хотела взять отпуск и уехать куда-то на это время с сыновьями, но Светлана Леонидовна воспротивилась. Удивительно, но в этом Сергей Павлович оказался с женой согласен.

— Вдруг ты или мальчики там заболете?! — строила предположение мать Зои. — Положат вас непонятно в какую больницу, где все коридоры людьми заполнены. Такое уже показывали.

— Или закроют Москву и не пустят вас обратно, от этих всего можно ждать, — мрачно добавлял отец.

Зоя сдалась. По мере роста цифр заболевших она чувствовала себя как человек, ожидающий вынесения неизбежного приговора. В конце октября начальник сообщил, что они переходят на удаленную работу. В детском саду остались только дежурные группы, в которых ее сыновьям места не хватило. В этот раз все-таки было легче, чем весной прошлого года. Зоя выходила с мальчиками гулять, ездила в офис два раза в неделю, даже ее мать соглашалась пройтись в сквере или сходить в продуктовый. Временами было ощущение, что это просто длинные ноябрьские праздники, в которые почему-то закрыты кафе и часть магазинов, но потом реальность напоминала о себе, и тогда казалось, будто она движется по кругу, выхода из которого просто нет.

Зоя дошла до Новодевичьего монастыря, спустилась к Большому пруду, прошла мимо детской площадки и скульптурной группы, изображающей прогуливающих утку с утятами. Выбрала скамейку чуть в стороне от главной дорожки и села лицом к пруду и монастырской стене. Зоя слышала голоса вокруг, гавканье прогуливающих собак, смех и крики играющих детей, но пока она не видела их, все вокруг казалось нереальным. Древняя обитель едва угадывалась за пеленой тумана. Зубчатые башни и Преображенскую церковь укутала плотная завеса, будто какое-то волшебство стерло их с привычного пейзажа. Хорошо бы и последние два года можно было убрать из своей жизни, вернуться в точку, когда еще не было ни развода, ни пандемии, ни постоянной тревоги из-за неопределенности будущего. Зоя понимала: кризис просто ярко высветил проблемы, которые были и раньше. Взять, к примеру, ее родителей. Их брак всегда был далек от идеала. Познакомились они в институте: Светлана — столичная красавица, профессорская дочка, Сергей приехал в Москву учиться из кубанской станции. Влюбились, поженились, верили: смогут преодолеть все различия. Сначала постоянные ссоры молодые супруги объясняли проживанием с родителями Светланы, потом, когда отец «выбил» им отдельную трехкомнатную квартиру в Новых Черемушках, тем, что у них нет детей. Наконец спустя двенадцать лет попыток, лечения, посещения гадалок и проверенных знахарей на свет появилась долгожданная дочь. Зоя хотела верить: ее рождение сблизило супругов и спасло их брак, но на ее памяти

мать с отцом постоянно выясняли отношения. Иногда она задавалась вопросом, почему же родители до сих пор не развелись, даже спросила об этом как-то у матери.

Светлана Леонидовна проговорила с достоинством:

— В моей семье никто не разводился. Не то что у твоего отца, его же одна мать воспитывала.

Про свою бабушку с отцовской стороны Зоя знала лишь, что ее муж рано умер, и женщине пришлось самой растить троих сыновей, из которых Сергей был самым младшим. Кажется, кто-то из его старших братьев пил или даже сидел в тюрьме. Таковой вывод она сделала из упреков, бросаемых Светланой Леонидовной мужу в пылу ссоры. Сама Зоя на Кубани никогда не была и не помнила, чтобы ее отец туда ездил. Тем более было удивительно, что свою единственную дочь он назвал в честь матери.

На памяти Зои бабушка приезжала к ним один раз. Девочке тогда было лет восемь. Учебный год только начался, она всего пару дней походила в школу и свалилась с сильнейшей ангиной. С появлением бабушки Зои квартира наполнилась ароматом поздних яблок, чесночным духом домашней колбасы и приторно-сладким запахом дешевой туалетной воды. Она запомнилась внучке невысокой, очень полной женщиной с крашеными ярко-рыжими кудрявыми волосами и короткими пальцами с неровными, но при этом накрашенными красным лаком ногтями. Зоя-старшая громко смеялась, выпивала за ужином рюмку-другую и все время что-то готовила — хотела порадовать сына и его семью.

Когда педиатр разрешил Зое выходить на улицу, они с бабушкой пошли погулять. Девочка думала поиграть на детской площадке, но та сообщила, что они поедут на Новодевичье кладбище — она хочет побывать на могиле Клавдии Шульженко. Потом оказалось, что родители понятия не имели об этом плане, и вечером отчитали бабушку, что она повезла только выздоровевшего ребенка так далеко. По пути выяснилось, что пожилая женщина никогда не была на Новодевичьем кладбище и Москву почти не знает. Она очень волновалась, чтобы им не проехать нужную станцию, поэтому просила всех вокруг предупредить ее, когда выходить. Потом они пошли от метро не в ту сторону, спрашивали дорогу и снова уходили куда-то не туда. Зоя устала, ей было жарко в пальто и шапке, хотелось пить и домой.

— Сейчас отдохнем, — сказала бабушка и потянула девочку за руку к парку.

Они устроились на скамейке с видом на белые, словно из воды поднимающиеся, стены. Тогда Зоя не знала, что это монастырь, решила — крепость, где когда-то жили рыцари. День был теплый. Солнечные лучи играли на поверхности пруда, прятались в узких бойницах башен, нежно подсвечивали начинающие желтеть листья. Бабушка расстегнула болоньевый плащ, вытянула ноги и откинулась на спинку деревянной скамейки. На ее лбу и над верхней губой блестели капельки пота. Она вытерла их тыльной стороной руки, а потом помахала на себя.

— Упарилась...

Зоя-младшая сидела на краешке скамьи, болтая ногами в купленных к школе ботинках.

— Почему ты хотела пойти на могилу той тети? — спросила девочка.

— Пела она хорошо.

— Что пела?

Бабушка Зоя вместо ответа громко затынула:

Строчит пулеметчик за синий платочек,
Что был на плечах дорогих.
За них, родных,
Желанных, любимых таких,

Строчит пулеметчик за синий платочек,
Что был на плечах дорогих.

На них оглядывались, но женщина этого не замечала. Она два раза пропела последний куплет и сама себе заплодировала. Внучка тоже похлопала. Девочка тогда подумала, что ее бабушка очень странная, на мамину маму совсем не похожа, но, кажется, ей это нравится.

— Мы пойдем на кладбище? — спросила Зоя-младшая старшую.

— Не, — протянула та, — мороженое пойдем есть.

— Так у меня же ангина?! — ахнула девочка.

Бабушка махнула рукой, давая понять — это все мелочи. Она закрыла глаза, подставляя лицо солнцу, зажмурилась, потянулась, словно большая кошка, и проговорила:

— Хорошо-то как...

Они тогда действительно съели мороженое, а потом шли к метро, взявшись за руки, и пели песню про синий платочек. Остального память Зои не сохранила. Она знала, что дома был скандал, и ее мать потом еще много лет припоминала мужу, как его мать накормила мороженым ребенка с ангиной. Бабушка вскоре уехала. Первое время Зоя по ней скучала, потом воспоминания поблекли. Иногда она корила себя, что так ни разу в станицу и не съездила. Успокаивало ее только, что бабушка Зоя умерла еще до того, как внучка начала самостоятельно принимать решения.

Сколько она уже сидит у стен монастыря? Пора домой. Вспомнилось, что забыла до локдауна забрать зимние сапоги из обувной мастерской. И в супермаркет нужно зайти. Зоя об этом думала, но с места не двигалась. В кармане завибрировал телефон. Звонила ее мать. Зоя собиралась сказать, что скоро будет дома, но вместо этого произнесла:

— Начальник в пробку попал из-за этого тумана, никак до офиса доехать не может, а мне его нужно дождаться. Так что не знаю, когда вернусь.

Поговорив с матерью, Зоя отключила звук и убрала телефон в сумку. С удовольствием подумала, что сейчас зайдет в кафе, не торопясь выпьет кофе, а потом пойдет гулять. Возможно, зайдет на Новодевичье кладбище, поищет могилу Шульженко. Зоя откинулась на спинку скамейки, вытянула ноги, прикрыла глаза.

— Хорошо-то как, — чуть слышно проговорила она.